

МНОГОПОЛЯРНОСТЬ МИРОУСТРОЙСТВА КАК ОБЪЯСНЕНИЕ ПЕРЕХОДА ОТ СИСТЕМ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА К СИСТЕМЕ ПРАВИЛ

Представление о современной системе мироустройства как о многополярной и мультикультурной, предопределяет невозможность формирования единого правового пространства и, как следствие, построения общего для всех государств – членов ООН мирового правопорядка, основанного на системе публичного (общезначимого и общеобязательного) международного права.

Мир, созданный победителями во Второй мировой войне, базировался на двухполярной модели силового равновесия капиталистической системы (буржуазного права), возглавляемой США и социалистической системы (социалистического права), во главе которой находился СССР. Мирное сосуществование двух разнонаправленных, однако, вместе с тем равнозначных систем, выступавших в качестве равновесных центров (полюсов) силы обеспечивало действенность и достаточно высокую степень эффективности единой системы международного права.

Самоликвидация Союза ССР и последовавший вслед за этим распад «мировой правовой семьи» социалистического права, вызвал «цепную реакцию», связанную с разрушением традиционных государственно-правовых институтов, сложившихся в советский исторический период. Кратковременная эйфория вызванная «отречением от старого мира» и вхождением в «свободный мир» западной либеральной демократии, быстро сменилась разочарованием вызванным экономическим кризисом и политической нестабильностью. Коллективный Запад продемонстрировал вполне понятное отторжение в отношении «вчерашних классовых врагов»,

отнюдь не стремясь к восприятию их в качестве равноправных субъектов и дружественных партнеров по совместному «капиталистическому развитию».

В свою очередь «братские страны и народы», входившие в «передовой отряд строителей социализма и коммунизма», оказались на практике не только «не братскими», но и враждебно настроенными. Попытка объединить бывшие союзные республики в межгосударственный формат СНГ, вплоть до настоящего времени не может рассматриваться в качестве завершенного проекта с однозначно положительными результатами. При этом основной проблемой в данной области видится коллизия принципов формального равенства государств – членов СНГ и фактического лидирующего положения Российской Федерации, стремящейся выстраивать межгосударственные отношения в рамках данной межгосударственной организации по аналогии с теми которые имели место применительно к взаимодействию СССР со странами социалистического блока.

Противопоставление России с коллективным «американо-европейским» Западом представляет современный вызов, с которым связываются две вероятностных перспективы:

- создание конкурентоспособных в плане ресурсно-технологического и материально-финансового обеспечения региональных межгосударственных объединений (ШОС, ЕВРАЗЭС и др.), с последующим выстраиванием межгосударственных отношений «коллективный Запад» - «не Запад» на основании паритетных принципов свободной конкуренции и равноправного партнерства. При этом в отличие от «коллективного Запада», сохраняющего, хотя и со значительными оговорками традиционную системоцентричность с США в качестве «центра силы», региональные межгосударственные объединения в совокупности образующие «не Запад» в принципе не могут рассматриваться в качестве сколько ни будь единой устойчивой организации с общими принципами построения и функционирования, а также

определением «лидирующего субъекта», являющегося гарантом действенности и эффективности устанавливаемых правил взаимодействия.

- усиление военной риторики и как следствие, возрастание рисков открытого военного противостояния между «центрами силы», в том числе с задействованием ядерного оружия массового поражения. Причем если в условиях биполярной модели мироустройства имело место пусть достаточно условное, но все таки «равновесие полярных систем», обусловленное прежде всего ядерным паритетом СССР и США, то выход на мировую арену «новых игроков» обладающих ядерным оружием (речь, в первую очередь идет о КНР и КНДР) и идентифицирующих себя (аналогично РФ) в качестве «самобытных государств-цивилизаций», обуславливает необходимость определения и внедрения в практику межгосударственных отношений новых принципов и правил, качественно отличных от тех которые имели место в «биполярном мире». Мир, созданный по итогам Второй мировой войны, фактически прекратил свое существование. Вопрос: может ли быть установлен иной порядок мироустройства иначе нежели посредством очередной мировой войны? В связи с этим приобретает особую актуальность фраза Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина: «Мир устал от мира».

Выделенные направления межгосударственного взаимодействия предполагают различные системы правил, объективно не способные стать единой системой публичного международного права.

В рамках первого направления формируются правила основанные на понимании партнерства как коммуникации равных в своем статусе участников межгосударственных отношений, воспринимающих интересы контр субъектов в качестве равнозначных по отношению к своим. При этом реализация этих интересов осуществляется на основании двух- и более сторонних договоров, посредством которых обеспечивается межгосударственный консенсус. Принимая во внимание мультикультурную

многополярную концепцию современного мироустройства, следует признать, что международного права в его объективном (публичном) формате представленном гарантированными и санкционированными стандартами общезначимого и общеобязательного поведения в настоящее время нет или если быть точным, та модель международного права которая была создана по результатам победы во Второй мировой войне стран антигитлеровской коалиции, на сегодняшний день утратила свои инструментальные регулятивно-охранительные функции и существует в большей степени как формальное образование, значимость которого определяется конкретным государством применительно к конкретной ситуации. При этом международные договоры, нормы и принципы подлежат внедрению в системы национального права, только при условии признания их соответствующими национальному законодательству и прежде всего – Конституции. Таким образом, фактическое стремление государств к выстраиванию коммуникаций партнерского типа основывается на восприятии в качестве «правильных для себя» как собственных правил, так и тех, в соответствие с которыми выстраивают модели «правильного» поведения контр субъекты. Вступление в партнерскую коммуникацию предполагает предварительную «кроскультурную» подготовку потенциальных субъектов диалогового общения, целью которой является как расширение представлений о «культуре другого», так и определение проблемных аспектов, которых сторонам в процессе общения желательно не касаться. Так, к примеру, при взаимодействии представителей разных религиозных конфессий, настоятельно рекомендуется избегать любых оценочных комментариев, связанных с истинностью того или иного типа вероисповедания, а также с нравственно-этическими особенностями социального поведения верующих.

В свою очередь военное противопоставление, основывается на конфликтной модели, предполагающей формирование «образа врага»

в отношении «вероятностного противника». При этом осуществляемая на уровне государственной пропаганды дифференциация сторон потенциального конфликта на «своих (друзей)» и «чужих (врагов)», мало что дает в конструктивном плане, поскольку пропагандисты, действующие «с другой стороны», используют «зеркальную методику». Получается, что если Вы допускаете конфликт с «врагом напротив», то и противоположная сторона считает Вас «врагом», предполагая аналогичные Вашим средства противодействия. В данной ситуации правила, которыми руководствуется каждая из сторон носят взаимно исключающий характер, что обуславливает их неприятие со стороны контрсубъектов. Таким образом действует правило: «все позиции, высказываемые участвующими во взаимодействии сторонами, делятся на две группы: мою и неправильную». В том случае, если «неправильная» противоположная сторона не осознает «собственную неправильность», а значит «мою правильность», конфликт входит в фазу открытого противоборства, целью которого является либо принудительное подчинение контрсубъекта воле стороны, инициировавшей конфликт, либо его уничтожение.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, закреплена дефиниция России: «как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹. Также отмечается, что «отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации»².

Из процитированных положений можно сделать следующие выводы:

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

² Там же.

- самопровозглашение в 2023 г. «самобытной Российской цивилизации» (по аналогии с самопровозглашением в 1723 г. Российской империи), по сути, означает отказ от формационной (классовой) модели государственно-правовой системы и восприятие модели «государства-цивилизации» сосуществующего с другими государственно-правовыми цивилизациями, либо противодействующего им. При этом заявленная на концептуальном уровне самобытность (см. национальная идентичность) предполагает, что Россия, не стремится ни заимствовать «иностранные» правила государственной и социальной организации, ни экстраполировать на внешнеполитический уровень собственные идейно-нравственные стереотипы (традиционные духовно-нравственные ценности);

- правила, определяющие содержательное наполнение национальной государственно-правовой системы Российской Федерации на современном этапе исторического развития, отличаются от советских аналогов как по типологии правопонимания, так и главенствующим субъектам в сфере правотворчества и правореализации. В плане правопонимания изменения были связаны прежде всего с отказом от безусловного доминирования юридического нормативизма и внедрением в теоретическую и отраслевую юриспруденцию интегративных типов правопонимания среди которых особое место занимает концепция «живого права» («живой конституции») в основу которой положены, с одной стороны перманентная изменчивость нормативных текстов (прежде всего текста конституции, а также производных от нее законодательных актов), а с другой, главенствующее положение в системе субъектов правотворчества институтов главы государства – Президента России (гаранта Конституции) и конституционного правосудия – Конституционного Суда России (интерпретатора Конституции). Названные органы государственной власти являются инновацией современной Российской государственно-правовой системы и выступают в

качестве нетипичных субъектов не только правореализационной, но и правотворческой деятельности.